

Цена номера 5 копеек

ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РЕДАКЦИЯ — Москва, Тверской бул., 25, Дом Герцена. Тел. 2-80-12

Прием в секретариате редакции ежедневно от 2 до 4 ч.

ИЗДАТЕЛЬСТВО — Акц. О-во «Огонек», Москва, 6, Страстной бульвар, № 11. Телефон 5-51-69.

МОСКОВСКАЯ КОНТОРА — Тверская, 37 (уг. М. Гнездиковского).
Телефон 1-28-19 и 1-28-20.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

На год — 2 р. 50 к., на 6 мес. — 1 р. 25 к., на 3 мес. — 65 к.

ЗА ГРАНИЦУ: на год — 1 долл. 25 ц., на 6 мес. — 65 ц., на 3 мес. — 35 ц.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 5 (42). Понедельник, 3 февраля 1930 г.

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей

Чеховиана

Чехов — в полосе юбилейных дат. В июле было отмечено 25-летие со дня его смерти, 30 января исполнилось 70-летие рождения, а в марте — полвека со дня появления его первой повелли. «Юбилейный» Чехов, усилиями современной критики показан «без грима». Правдивый облик подлинного — живого художника.

Очень кстати выпала первая часть огромного труда И. Ф. Масанова, занесшего в свою «Чеховиану» 2.765 названий книг, журнальных и газетных статей о Чехове. О нем любили говорить, что его «как первую любовь, России сердце не забудет».

Тютчевские эти слова оправданы в полной мере. Но о Чехове очень много писали не только в России: на 13 году Октябрьской революции критическая литература СССР продолжает пополняться работами, посвященными Чехову. Только теперь это Чехов без легенды. Легенды о нем рассеяны. Кто поверит теперь сказке о чеховской безнадежности? Кто повторит теперь такую банальность: «Чехов, певец русской интеллигенции, заражен таким же ядом пессимизма, каким болели его хмурые люди». Знак равенства, который еще так недавно ставился между Чеховым и «чеховщиной», стерт.

Усиленно велась борьба и против другого «возвышающего обмана», развенчалась и другая легенда, которую думали подставить взамен «низкой истины». Легенда, утверждающая едва ли не стопроцентную революционность Чехова. Если за чеховщиной не увидели Чехова, то теперь мы склонны перегнуть палку в другую сторону: художника, смело разоблачающего мещанство во всех его видах, писателя, горьким смехом посмеявшегося над пошлостью пошлого человека, называют революционером, приписывают ему едва ли не марксистское мировоззрение, уверяют в его близости к рабочему классу, в его горячих симпатиях к делу освобождения рабочего класса. Все это, конечно, следует отнести за счет «юбилейной» преувеличенности. Да, Чехов не был нытиком, не был «хмурым человеком», но основным его мировоззрением все же была медицинская, точнее биологическая точка зрения. Чехов знал, что поколения, вышедшее в жизнь в сумерки, безнадежно больно раздвигает сомнениями, колебаниями, ренегатством. Но причины этой болезни ему были не ясны. Изучал биологию и ею пытался объяснить паденье своих Ивановых и Лягушких. Чехов миновал социологию. Он вне ее концепций.

Он оптимист, но его идеал будущего туманен. Это прекрасные города, красивые площади, изящные фонтаны. Это — праведники, которыми только и держится мир. Это — жизнь невообразимо прекрасная, через 200—300 лет. Жизнь прекрасная и непременно, обязательно — изящная!

«Россия страна казенная», — сказал Чехов. — Нельзя точнее и злее определить существо той царской России, в затхлой

атмосфере восьмидесятых-девяностых годов которой он жил и писал. Поэтому — быт, — быт «жареного гуся и пухлой перины» ему отвратителен, ненавистен. Это быт, пригодный лишь для «людей в футлярах», для тех чинуш, вроде классического Чимши - Гималайского, который наслаждается крыжовником — кислым, жестким, отвратительным, но крыжовником из собственного сада! Грешная, тупая, злая жизнь.

И когда думаешь об идеалах Чехова, который не может быть понят вне своего социального оптимизма, — рисуешь всегда одну картину:

Осенний день. Близок закат. Солнце играет на стволах белых и стройных березок. Тишина. Воздух свеж, но дыхание тления неотвратимо, и мечтатель, растворяющийся в этой блеклой умирающей красоте, осеннего дня, говорит:

«Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь». (Тузенбах — «Три сестры»).

И в этом весь Чехов.

ЮРГИС.